

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 141.144

DOI: 10.17223/1998863X/43/4

С.С. Аванесов

ЛИЧНОСТЬ В ПЕРСОНАЛИЗМЕ: ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И ТРАНСГРЕССИЯ

Эксплицированы базовые позиции персонализма в сфере построения философского знания о человеке. Описана проблема определения личности как такой формы бытия, которая не поддаётся объективации. Рассмотрены теоретические и практические аспекты соотношения понятий личности и индивидуальности. Раскрыто понимание личности как трансгрессивной коммуникации.

Ключевые слова: философская антропология, персонализм, личность, индивидуальность, коммуникация.

Персонализм – это термин, которым обозначают одно из специфических направлений в философской антропологии. Это направление исповедует установку на понимание человека как *личности*; при этом личность интерпретируется как институция (порядок бытия), не сводимая ни к природе, ни к социуму, но определяющая себя в трансцендирующем общении с Абсолютной Личностью. В персоналистической философии человеческая личность признаётся такой реальностью, которая имеет высшую ценность, а вся реальность, в свою очередь, полагается производной от личной творческой активности Абсолюта: «Философская система, утверждающая основное и центральное положение личного бытия в составе мира, может быть названа *персонализмом*» [1. С. 284]. В противовес любым разновидностям позитивистского мировоззрения персонализм как «теистическое» направление в философии человека ориентирует антропологию на признание первичного значения личности в сравнении с производным значением «всеобщего» («универсального») устройства или порядка, стараясь преодолевать любое понимание реальности, грозящее редукцией конкретного единичного существования в пользу имперсональной тотальности.

Формула «Познай самого себя», по словам Э. Мунье, «явилась первым революционным призывом персоналистского содержания» [2. С. 13]. В качестве ответа на этот призыв сложился персоналистический ракурс философского человекознания, заданный, безусловно, *христианским* мировоззрением и обнаруживаемый ещё в текстах периода патристики¹. Современный персонализм «отнюдь не новое изобретение»; мир личности – «это универсум человека, и было бы странным, если бы до наступления XX в. никто не занялся

¹ Персонализм «укоренён на почве давней традиции», пишет Э. Мунье, имея в виду христианство [3. С. 460].

его исследованием, пусть даже используя другие понятия» [3. С. 460]. Философский же термин «персонализм» имеет относительно недолгую историю; считается, что это слово впервые употребил в 1799 г. Фридрих Шлейермахер в «Речах о религии» [4. С. 23]. Литературным «предтечей» персонализма можно считать Ф.М. Достоевского. Прямые предпосылки религиозно-философского персонализма обнаруживаются в программных сочинениях Сёрена Кьеркегора [5. С. 489], а в начале XX в. – в произведениях Шарля Ренувье («Le personnalisme», 1903), Шарля Пегги и Николая Бердяева [5. С. 245]. Оформление персонализма как философской «школы» связывается с деятельностью группы французских католических философов во главе с Эммануэлем Мунье, сплотившейся вокруг организованного последним журнала *Esprit* («Дух») в 1932 г. В эту группу в разное время входили (или сотрудничали с ней) Жан Лакруа, Поль-Луи Ландсберг, Морис Недонсель, Габриэль Мадинье, Дени де Ружмон, Жан-Мари Доменак, Поль Рикёр, Мишель Дюфрен, Морис Мерло-Понти и Жак Маритен. В известном смысле «персоналистами» могут быть названы многие религиозные философы XX в., работавшие независимо от этой «школы», но опиравшиеся на те же (или сходные) религиозно-мировоззренческие и эпистемические предпосылки. К таковым можно отнести русских философов Л.П. Карсавина [6, 7], Льва Шестова, В.В. Зеньковского [8], Владимира Лосского и, с некоторой условностью, отца последнего – Н.О. Лосского [9]. К представителям персонализма причисляют также Макса Шелера [4. С. 23], Романо Гвардини и Мартина Бубера [10. С. 63].

Оформление персонализма как философского направления отражает собой процесс, который Г.Л. Тульчинский характеризует в качестве главной тенденции философии последних двух столетий: «...от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии» [11. С. 218]. На *онтологическом* этапе философия, ставя вопрос о «природе бытия» (идеализм или реализм), заодно пыталась объяснить духовно-телесную двойственность человека; на *гносеологической* стадии философское мышление решало проблему соотношения объекта и субъекта, тем самым объясняя индивидуальный характер человеческого бытия; *аксиологический* этап («от феноменологии к экзистенциализму и одновременно – к герменевтике, нормативно-ценностной культурологии и постструктурализму») являет собой стадию «созревания уже собственно персонологической доминанты»; постмодернизм, в свою очередь, оказывается «предпосылкой новой персонологии и метафизики нравственности» [Там же. С. 218–219].

Несмотря на почтенный возраст персоналистической «школы», в наше время персонологический дискурс всё ещё остаётся *перспективным* и требующим разработки направлением в антропологии. К примеру, В.К. Шохин убеждён, что персоналистическая философская антропология пока ещё не существует, она может пониматься лишь в качестве «проекта». По мнению Шохина, «существование философского направления, называемого персонализмом, а также других проявлений персонологической рефлексии в философии XX в. не равнозначно ещё наличию соответствующей антропологии как специализированной области философского дискурса» [12. С. 112]. Перед философией в наше время всё ещё стоит задача построения такой антропологической программы, которая была бы релевантна личности.

Проблема определения личности

Персонализм «полагает человеческое бытие, и прежде всего внутренний мир человека, в качестве основного предмета философского анализа» [13. С. 252]. Это связано с той преимущественной значимостью, которой персоналисты наделяют личное бытие в сравнении с прочими предметами философского знания. «Центральное положение персонализма, – полагает Мунье, – это существование свободных и творческих личностей»; опираясь на это положение, персонализм «предполагает наличие в их структурах принципа непредсказуемости, что ограждает от жёсткой систематизации» [2. С. 8]. Личность, обретая в персонализме статус важнейшего «предмета» философии, оказывается свободной от законченных определений. «От нас ждут, что мы начнём изложение персоналистской философии с определения личности, – пишет Мунье. – Однако определять можно только внешние по отношению к человеку предметы, те, что доступны наблюдению»; но личность «не есть объект», она есть «то в каждом человеке, что не может рассматриваться как объект» [Там же. С. 9]. Поскольку же личность не есть объект, постольку она не определяется (и даже не обнаруживается) путём рациональной рефлексии. «Моя личность – *это не моё самоосознание* (*ma personne n'est pas la conscience que j'ai d'elle*)» [3. С. 306], буквально: *не то сознание, которое я имею о ней* [14. Р. 43]. Моя личность, как таковая, «всегда остаётся по ту сторону своей актуальной объективации (*au-delà de son objectivation actuelle*)», т.е. остаётся «сверхсознательной и сверхвременной (*supraconsciente et supratemporelle*)», более широкой по сравнению с её видимыми мне образами, более внутренней (*plus intérieure*), чем построения, с помощью которых я подвергаю её испытанию» [3. С. 306].

Личная жизнь представляет собой постоянную борьбу с объективацией любого рода. Вслед за Н. Бердяевым Мунье говорит, что «жить как личность – значит беспрерывно переходить из той зоны, где духовное оказывается *объективированным* (*où la vie spirituelle est objectivée*) <...> к экзистенциальной реальности субъекта (*à la réalité existentielle du sujet*)» [Там же. С. 307]. Реальный же субъект всегда больше того, что можно наблюдать или «испытывать» в качестве объекта; он всегда в той или иной степени «по ту сторону» объекта. «Личность – это не объект, пусть даже самый совершенный, который, как и всякие другие, мы познавали бы извне. Личность – единственная реальность, которую мы познаём и одновременно создаём изнутри. Являясь повсюду, она нигде не дана заранее» [2. С. 10]. В самом акте антропологического познания отрицается объективный характер личности, потому что в этом акте никогда нельзя до конца различить познающего и познаваемое. Исходное «правило» антропологии состоит в указанном неразличении антрополога и его «предмета». Следовательно, «стремление дать а priori определение личности <...> было бы нарушением нашего правила. Нам надо было бы включить в такое определение <...> философские и религиозные принципы» [3. С. 301], на базе которых строилось бы само это определение, т.е. определить и самого определяющего.

Речь о личности, таким образом, возможна только в контексте собственного переживания себя. В указанном контексте «личность (*une personne*) – это духовное существо (*un être spirituel*), конституируемое, как таковое, спо-

собом существования (par une manière de subsistance) и самостоятельностью в своём бытии (d'indépendance dans son être); она поддерживает это существование (cette subsistance) посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей (de valeurs), посредством ответственного включения в деятельность (par un engagement responsable) и постоянно осуществляемого обращения (conversion); таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе (dans la liberté) и сверх того развивает посредством творческих актов (à coups d'actes créateurs) своё призвание во всём его своеобразии» [3. С. 301], буквально – развивает особенность (или даже «единичность») своего призвания (la singularité de sa vocation) [14. Р. 38]. Такое понятие личности является весьма нестрогим, призванным не столько определять личность как предмет дискурса, сколько организовывать сам этот дискурс. В конечном счёте, «поскольку личность является присутствием человека (la présence même de l'homme), его конечной характеристикой (sa caractéristique dernière), она не поддаётся строгому определению» [3. С. 301]; именно личность, обнаруживая себя, актуализирует *конфликт между существованием и логическим понятием*.

Кроме того, действительная личность не является содержанием «чисто духовного опыта, отделённого от всякой разумной деятельности и чувственного мира»; она раскрывается «через имеющий решающее значение опыт (à travers une expérience décisive), предложенный каждому человеку, живущему в свободе; речь идёт не о непосредственном опыте субстанции (d'une substance), а о последовательно развивающемся опыте жизни, личной жизни (la vie personnelle). Никакое понятие (notion) не может отобразить это» [Там же. С. 301]. Иначе говоря, личность, всегда конкретна, поскольку всегда конкретен личный опыт её существования. Поэтому её нельзя рассматривать и определять «как часть некоего целого (comme partie d'un tout): семьи, класса, государства, нации, человечества» [Там же. С. 302]. Определение личности имеет отношение не столько к формулированию её строгой рациональной дефиниции, сколько «к поиску самого себя с помощью остающихся открытыми значений (se rechercher sur une signification toujours ouverte)» [Там же. С. 307], т.е. к перманентному деятельному *самоопределению*. Поэтому личность «есть живая активность самотворчества, коммуникации и единения с другими личностями, которая реализуется и познаётся в действии, каким является опыт персонализации. И ничто не может навязывать личности этот опыт или понуждать к нему. <...> Если индивид не внимлет этому зову и не вступает на путь личностной жизни, он теряет сам смысл жизни, как теряет чувствительность бездействующий орган. Тогда он ищет этот смысл в <...> бегстве от действительности» [2. С. 10–11]. Найти самого себя можно только находящим самого себя в этом нахождении.

Личность, если она и определяется, то определяется *апофатически*. «Внутренние ресурсы личности не определены заранее: то, что она выражает, не исчерпывает её, то, что обуславливает, не порабощает. Существенно отличаясь от доступного наблюдению объекта, она не является ни имманентным субстратом, ни субстанцией, определяющими наше поведение, ни абстрактным принципом, руководящим нашими конкретными поступками. Всё это было бы так, если бы речь шла о способе существования объекта или об иллюзии объекта» [Там же. С. 10]. Мы находим личность там, где не можем

найти ничего *определённого*. «Здесь обнаруживается главный парадокс личностного существования: оно есть собственно человеческий способ бытия и вместе с тем должно быть нескончаемым завоеванием» [2. С. 11], т.е. созданием и присвоением этого способа. Личность всегда в будущем, она всегда ещё только *должна* стать собой. Собственно человеческий способ бытия, таким образом, никогда не есть в наличии, он *задан* человеку как то, что он должен стяжать, чтобы стать самим собой. Личность – это прежде всего «стремление быть собой» [15. С. 256].

Именно *призвание* быть самим собой составляет «самую сущность» человека¹ как «единый центр его человеческой ответственности (le centre de ralliement de ses responsabilités d'homme)» [3. С. 305]. Это призвание (la vocation) не заложено в личности a priori, но формулируется для неё в ходе свершения её жизненного опыта. «Личность (la personne) сама находит своё призвание и сама строит свою судьбу. Никто другой (personne autre) – ни человек, ни коллектив – не может брать на себя этот груз ответственности» [Там же. С. 306]. При этом призвание не есть для личности что-то окончательно ясное; поэтому им нельзя овладеть навсегда, его нельзя окончательно подчинить себе, им невозможно распорядиться. Согласно Мунье «моё осознание моей личности и её реализация всегда символичны и не завершены» [14. Р. 43]. Поэтому личность всегда есть «история» [3. С. 307], она продолжается как движение ко всё более конкретному пониманию и воплощению своего *единственного* призвания.

В этом движении к себе личность постоянно выходит за свои пределы. По словам Мунье, «реализация личности – это отнюдь не концентрация в индивиду или персональности благоприобретённых богатств, напротив, это её трансцендентность (transcendance) (или, если быть более скромным в выражениях, “трансцендирующее движение (transcendement)”), т.е. постоянное усилие *превосхождения и избавления от обладания* (un effort constant de *dépassement* et de *dépouillement*), усилие отвержения, отказа от владений, тяга к одухотворению (de renoncement, de dépossession, de spiritualisation)» [Там же. С. 306]. Этот акт трансцендирования является одновременно и «процессом избавления от обладания», и «процессом персонализации» [Там же. С. 306–307]. Cet effort de transcendement personnel constitue la qualité même de l'homme: «Это усилие личностного трансцендирующего порыва составляет собственно человеческое качество» [Там же. С. 308], фундаментальный *признак* личности.

Личность и индивид(уальность)

Персонализм предполагает «строгое различие между *личностью* (la *personne*) и *индивидом* (l'*individu*)» [Там же. С. 302]. Личность отличается от индивида как персона от персонажа. Индивид у Мунье – это множество разнообразных внешних форм активности, «различные персонажи», в которых растворяется человек, к которым он рискует свести себя; это «персонажи, роль которых я играю (personnages que je joue), рождающиеся из соединения моего темперамента и каприза (nés du mariage de mon tempérament et de mon

¹ Мунье, в отличие от его переводчика, избегает слова «сущность»; в данном случае призвание человека – это не его сущность, а «*само его бытие*», son être même [14. Р. 42].

caprice)» [3. С. 302–305]; это «движущийся во мне поток неупорядоченной и безликой множественности материи, объектов, сил, влияний – именно это мы будем называть *индивидом*» [Там же. С. 303]. Индивид стремится сделать каждую такую ролевую форму *своей*, иметь её в собственности, «в результате чего он создаёт для себя неприступную крепость из эгоизма, чтобы защищаться от неожиданностей любви», чтобы не быть ответственным *собой*. Следовательно, «распыление, алчность – вот два признака индивидуальности. Личность же – это обладание и выбор (*maîtrise et choix*), она – само великодушие. Следовательно, по своей внутренней направленности (*dans son orientation intime*) она идёт в прямо противоположном направлении по сравнению с индивидом» [Там же. С. 303].

Качество индивидности у Мунье логически связано с принципом индивидуальности: как то, так и другое оказываются предпосылкой *отдельности* человеческого бытия. Поэтому, согласно Мунье, «личность устремляется в направлении, противоположном индивидуальности. Индивидуальность – это распыление, личность – это объединение (*l'individualité est dispersion, la personne est intégration*). Воплощённый индивид – это иррациональный образ личности (*la face irrationnelle de la personne*), через который к ней поступает грязная пища, всегда более или менее смешанная с небытием (*de néant*)» [Там же. С. 304]. Опора индивида на свою отдельность влечёт разобщение, войну всех против всех: «Индивиды находят удовольствие в обеспеченности, не доверяют друг другу¹ и отвергают друг друга» [Там же. С. 311]. Поэтому «в пределе индивидуальность – это смерть (*à la limite, l'individualité c'est la mort*)» [Там же. С. 303], ибо самоутверждение есть отрицание всех других.

В реальном живом человеке индивидуальность и личность соприисутствуют; в этом можно видеть «двуполярность» (*bipolarité*) человека, «диалектическую напряжённость между двумя внутренними движениями: одно – к распылению, другое – к сосредоточению (*l'un de dispersion, l'autre de concentration*)» [Там же]. В человеке мы видим «тесное переплетение духовной личности и материальной индивидуальности»: *l'étroit emmêlement de la personne spirituelle et de l'individualité matérielle*. Персонализм как бы заново обнаруживает и признаёт «воплощение личности и смысл её материальной укоренённости, не отрицая, однако, её трансцендентность (*sa transcendance*) по отношению к индивиду и материи. Только этот смысл спасает одновременно живую реальность человека (*la réalité vivante de l'homme*) и направляющую его истину» [Там же. С. 303–304]. Отсюда следует важный вывод: человека нельзя определить исключительно через внутреннее, через «дух», оторванный от его конкретного воплощения; такие определения приводят к поглощению индивидуального «духа» универсальной «духовной» субстанцией. Поэтому, согласно Мунье, «никакой спиритуализм безличного духа (*de l'Esprit impersonnel*), никакой рационализм чистой идеи не имеют отношения к судьбам человека; все они – бесчеловечные игры бесчеловечных мыслителей; игнорируя личность, даже тогда, когда они возвеличивают человека, они рано или поздно приходят к её подавлению; не бывает более жестокой тирании, чем та, которая осуществляется во имя идеологии» [Там же. С. 303].

¹ Буквально: остерегаются посторонних (*se méfient de l'étranger*).

Итак, Мунье называет *персональностью* (personnalité) «не беспрерывно меняющиеся лики моей индивидуальности (le visage multiple et sans cesse changeant de l'individualité), а ту слитную конструкцию (construction cohérente), которая в каждый момент обнаруживает своё присутствие как временный результат моего усилия персонализации (de mon effort de personnalisation) <...>. Персональность интегрирует отражения и проекции индивида (intègre les reflets et les projections de l'individu), различных персонажей (les personnages divers), с которыми я себя идентифицирую» [З. С. 306]. Человек самоопределяется, когда на *личностном* уровне связывает воедино все свои разрозненные *индивидуальные* проявления и акты; такая связь – «не абстрактная систематическая унификация, а нарастающее вычленение некоторого духовного принципа жизни (d'un principe spirituel de vie), который не сводит на нет то, что интегрирует, а спасает, реализует, творчески преобразуя изнутри. Этот живой творческий принцип (principe vivant et créateur) и есть то, что в каждой личности мы называем её призванием (sa vocation)» [Там же. С. 305]. Такое призвание личность осуществляет в своём персональном самоопределении.

Личность как трансгрессивная коммуникация

Личность активна в своём самоопределении. Существовать в качестве личности – значит «развивать максимум инициативы, ответственности, духовной жизни (accéder au maximum d'initiative, de responsabilité, de vie spirituelle)» [Там же. С. 301]. При этом активность личности не стихийна, а внутренне организована: «не бывает спонтанного опыта личности» [Там же. С. 302], он всегда ориентирован и направлен. Личность, согласно Мунье, – «это непрерывное следование собственному призванию (la poursuite ininterrompue de cette vocation)» [Там же. С. 305], т.е. деятельность, организованная личным *заданием*. С позиции персонализма личность не может рассматриваться как что-то отдельное от её активности, что заставило бы полагать, будто личность может существовать в отрыве от деятельности и вне связи с ней, как некое *само-по-себе* сущее (сущность). «Очевидно, – утверждает Мунье, – что жизнь личности – это не обособление, не бегство, не отчуждение, а *присутствие* и *вовлечение* (présence et engagement). Личность – это не внутренняя отставка, не строго очерченная область, к которой извне добавлялась бы моя деятельность (mon activité). Это – активное присутствие человека во всей его целостности (une présence agissante dans le volume total de l'homme), вся его целеустремлённая деятельность» [Там же. С. 304], осуществляемая не спонтанно, а нормативным образом.

Устремлённость личности к собственному идеалу выводит её на границы и за границы самости. Основополагающий (fondamentale) опыт личности – это «опыт, протекающий в *экстремальной ситуации*» [Там же. С. 307], буквально – трагический опыт *ситуации-предела* (d'une situation-limite) [14. Р. 44]. Мир личности, существующей в ориентации на эти пределы, – это «мир, зовущий к сверхбытию, это мир надежды» [З. С. 308]. Il est rayonnement et surabondance, il est espoir: «Этот мир – сияние и изобилие, он – надежда» [14. Р. 44]. Мир личности как мир надежды – это мир свободы. «Мир объективных отношений и детерминизма, мир позитивной науки – это одновременно самый близкий, самый бесчеловечный и самый отдалённый от

существования мир (le monde le plus impersonnel, le plus inhumain, et le plus éloigné qui soit de l'existence). Личности в нём нет места (la personne n'y trouve pas de place)», потому что в нём нет свободы. «Мы говорим здесь о духовной свободе (de la liberté spirituelle). Её следует тщательно отличать от свободы буржуазного либерализма» [3. С. 309], превращающей человека в манипулируемого потребителя.

Подлинная свобода личности «состоит в том, чтобы самой обрести своё призвание (découvrir elle-même sa vocation) и свободно находить средства для его реализации. Это не свобода уклонения от действия, а свобода вовлечения в действие (une liberté d'engagement)» [Там же. С. 310]. Свобода связана с активностью, а эта активность всегда происходит (реализуется) в коммуникативном контексте. Поэтому, согласно Мунье, «свобода личности – это *вовлечение*¹. Однако вовлечение (cette adhésion) является собственно личностным только в том случае, если оно оказывается вновь и вновь возобновляемым *вовлечением в действие* (un engagement), добровольным согласием вести освободительную духовную жизнь (une vie spirituelle libératrice)» по *личной* инициативе. «Следовательно, извне личность не может получить ни духовную свободу, ни сообщество» свободных личностей [Там же]; только в своей деятельности и посредством этой деятельности она их обретает.

Личность как экзистенциальное единство собственных актов отличается в персонализме от индивида с его индивидуальностями. При этом «у личности, всегда несущей в себе психофизическую индивидуальность, имеется также и другая черта – стремление к самоотдаче, к объединению с другим и с другими, которое может завершиться принесением индивида в жертву. Если индивид стремится замкнуться в себе, то личность тяготеет к открытости» [5. С. 31]. Личность, в отличие от индивида, – это субъект. Однако, характеризуя личность в качестве «субъекта», мы должны избавиться от прежнего *закрытого* значения этого термина; в эпистемическом ракурсе персонализма субъект – «это способ духовного существования» [3. С. 307], позитивно *открытого* в сторону других и *превосходящего* себя в направлении мира. «Личность, – пишет Лакруа, – это открытость не только другим, но и *миру*» [5. С. 31]. Субъект, по словам Мунье, – это «одновременно определённости, свет, призыв, возникающий внутри существа, сила трансцендирующего движения, присущая бытию. Он не только не совпадает с субъектом биологическим, социальным или психологическим, но и непрерывно прорывает их временные рамки, чтобы призвать их к объединению» [3. С. 307]. Личность «обретает себя, только если отдаёт себя другим (ne se trouve qu'en se donnant), и путь этот ведёт к тайнам бытия (aux mystères de l'être)» [Там же. С. 311]. Вершина (или цель) этого пути – не герой, а *святой* (le saint), излучающий себя в окружающее пространство существования.

Таким образом, открытость субъекта вовне, а не его замкнутость на самом себе, есть подлинная характеристика субъектности как таковой: «...открытость самому себе, миру и другим является первой характерной чертой подлинной личности» [5. С. 32]. «Здесь, – утверждает Мунье, – мы оказываемся в сердцевинном парадоксе личности. Она является местом, в

¹ Точнее, у Мунье тут «соединение», «присоединение»: La liberté de la personne est *adhésion* [Mounier 2003: 46], в отличие от вовлечения – l'engagement. Оба глагола указывают на *участие* личности в развитии собственной экзистенциальной ситуации, т.е. на её *активность*.

котором пересекаются, борются, взаимодействуют напряжение и пассивность, обладание и дарение (*la tension et la passivité, l'avoir et le don*)» [14. Р. 47]. Так мы констатируем «сопричастие (*la communion*), внутренне присущее самой личности (*insérée au coeur même de la personne*), неотделимое от её существования (*intégrante de son existence même*)» [3. С. 311]. Персонализм не имеет ничего общего с субъективизмом как эгоизмом. «Центральное понятие персонализма – личность – необходимо включает в себя идею единства человека с человечеством <...>. Отсюда вытекает одно из главных требований персонализма к подлинной философии – заменить традиционную философскую тему субъект-объектного отношения на субъект-субъектное отношение, сосредоточив внимание на радикальной позиции человека в бытии – его изначальной любви к самому себе и другому человеку. Это онтологическое отношение любви, без которого ни отдельный человек, ни человечество в целом не существовали бы, есть, по персонализму, вера, и через это отношение может быть определён персонализм. Любовь, согласно философам-персоналистам, – это обязательство человека перед самим собой и всем человечеством» [4. С. 21]. На этой жертвенной сопричастности личности *всему сущему* базируется действительная (солидарная) общественность, которая «отвечает потребности в подлинности, в вовлечении, в полноте (*d'authenticité, d'engagement, de plénitude*)» [3. С. 307].

В ответ на самоотдачу всякой конкретной личности общество, согласно персоналистической философии, должно утверждать её безусловную ценность для него. Персонализм настаивает на «абсолютной ценности личности (*de la valeur absolue de la personne humaine*)» [Там же. С. 301]. Что значит *абсолютный* характер этой ценности? «Мы не говорим, что личность человека – это Абсолют (хотя для верующего Абсолют – это Личность, а строгость термина заставляет сказать, что духовное может быть только личностным). <...> Мы хотим сказать, что личность, как мы её обозначаем, – это абсолютное начало (*un absolu*) по сравнению с любой другой, материальной или социальной, реальностью и любой другой человеческой личностью» [Там же. С. 301–302]. Это значит, что «никакая другая личность, а тем более никакой коллектив, никакой организм не могут на законных основаниях использовать её как средство (*comme un moyen*). Согласно христианскому учению даже Бог уважает её свободу, внутренне вдохновляя её: теологическое таинство свободы и первородного греха (*le mystère théologique de la liberté et de la faute originelle*) покоится на этом достоинстве, доверенном свободному выбору личности (*au libre choix de la personne*)» [Там же. С. 302]. Поэтому личность, согласно персонализму, «не терпит никакой материальной или коллективной мерки, всегда остающейся меркой безличностной (*une mesure impersonnelle*)» [Там же. С. 309].

Наконец, поскольку «всякая личность обладает особой ценностью (*un prix inestimable*), а для нас, христиан, ценностью бесконечной (*infini*), между личностями существует особого рода духовная тождественность (*une sorte d'équivalence spirituelle*), которая запрещает навсегда любой из них относиться к другой личности как к средству или же разделять людей на классы по наследственности, социальным значимости и положению» [Там же]. *Равенство в ценности* – это единственное социально удостоверенное равенство, которое мы можем приписать личностям, не разрушая их личностного статуса.

Если персонализм и можно назвать *философией* человека, то эта философия настолько далека от систематизма, от логической завершённости, насколько несистемна и сверхлогична сама личность. Персонализм – «это философия, но не система» [3. С. 460]. Сами творцы персоналистической философии представляют её прежде всего в качестве антропопрактики. Так, персонализм, по словам Лакруа, «является не абстрактной философией, а *решимостью реализовать личность*» [5. С. 31]. В персонализме философия человека конвертируется в практику быть человеком, обращается в рефлексивный опыт обретения себя посредством подлинно коммуникативного существования, т.е. ответственного со-бытия с другими и с Другим.

Литература

1. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М. : Республика, 1994. 432 с.
2. Мунье Э. Персонализм. М. : Искусство, 1992. 144 с.
3. Мунье Э. Манифест персонализма. М. : Республика, 1999. 560 с.
4. Вдовина И.С. Французский персонализм (1932–1982). М. : Высш. шк., 1990. 152 с.
5. Лакруа Ж. Избранное : Персонализм. М. : РОССПЭН, 2004. 608 с.
6. Карсавин Л.П. О личности // Религиозно-философские сочинения. Т. 1 / сост., вступ. ст. С.С. Хоружего. М., 1992. С. 1–232.
7. Мелих Ю.Б. Персонализм Л.П. Карсавина и европейская философия. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 272 с.
8. Летцев В.М. Личность как средоточие мировоззренческих исканий В.В. Зеньковского // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 140–146.
9. Половинкин С.М. Иерархический персонализм Н.О. Лосского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1 : Богословие. Философия, 2006. Вып. 15. С. 99–129.
10. Лобковиц Н. Что такое «личность»? // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 54–64.
11. Тульчинский Г.Л. Постмодернизм, персонология и перспективы новой гуманитарной парадигмы // Философия XX века: школы и концепции. СПб., 2000. С. 217–219.
12. Шохин В.К. «Проект» персонологической антропологии и философия ценностей // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 112–118.
13. Вдовина И.С. Творчество и «личностные коммуникации» во французском персонализме // Философия. Религия. Культура. М., 1982. С. 252–278.
14. Mounier E. Manifeste au service du personnalisme. 2003. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Mounier_Emanuel/manifeste_service_pers/mounier_manifeste_pers.pdf
15. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 249–350.

Sergey S. Avanesov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: iskiteam@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 43. pp. 44–54.
DOI: 10.17223/1998863X/43/4

PERSONALITY IN PERSONALISM: DEFINITENESS AND TRANSGRESSION

Keywords: philosophical anthropology; personalism; personality; individuality; communication.

In this article, the basic positions of personalism in the sphere of building philosophical knowledge about the human are explicated. The author explores these positions based primarily on the philosophies of Emmanuel Mounier and Jean Lacroix. He first describes the problem of defining personality as a form of being that does not lend itself to objectification. The concept of personality in personalism turns out to be very non-strict. This concept can not define personality as a subject of anthropological discourse, but it is capable of organising this discourse itself. Personality is always a project of a person who must become himself. Therefore, personality is anytime in the future, it is never available, it is only a task for the person, his goal. Personality is primarily “the desire to be yourself” (Kierkegaard). The author also considers the theoretical and practical aspects of the relationship

between the philosophical concepts of personality and individuality. Man as an individual (individuality) is a set of “roles” that are in the state of conflict. A person as a personality is a unity in diversity, an integrative form of a person’s conscious presence in the world. Then the author explains the understanding of personality as a transgressive communication in the philosophy of personalism. Personality is active in its self-definition. In his movement to himself, a person constantly goes beyond himself. This movement is not spontaneous, but normatively organised: the freedom to be oneself acts as a guide for such a transcending movement of personality. Freedom means overcoming the limitations and “impermeability” of the individual. Personality is open to the world and to all other people. Communication of solidarity is based on this principle of existential openness and love. In such communication, any personality is perceived as an absolute value. The high level of the value of personality is affirmed by the authority of the Absolute (God), who acts as a guarantor of human freedom in making responsible decisions and choices. The author maintains that in personalism, the philosophy of the human is converted into the practice of being a person, turns into a reflexive experience of finding oneself through a truly communicative existence, that is, through a responsible co-being with others and with the Other.

References

1. Losskiy, N.O. (1994) *Bog i mirovoye zlo* [God and World Evil]. Moscow: Respublika.
2. Mounier, E. (1992) *Personalizm* [Personalism]. Translated from French. Moscow: Iskustvo.
3. Mounier, E. (1999) *Manifest personalizma* [Manifesto of personalism]. Translated from French Moscow: Respublika.
4. Vdovina, I.S. (1990) *Frantsuzskiy personalizm (1932–1982)* [French personalism (1932–1982)]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Lacroix, J. (2004) *Izbrannoye: Personalizm* [Selected: Personalism]. Translated from French by I. Vdovina, I. Blauberg, V. Volodin. Moscow: ROSSPEN.
6. Karsavin, L.P. (1992) *Religiozno-filosofskie sochineniya* [Religious and Philosophical Works]. Vol. 1. Moscow: Renaissance. pp. 1–232.
7. Melikh, Yu.B. (2003) *Personalizm L.P. Karsavina i yevropeyskaya filosofiya* [Personalism of L.P. Karsavin and European Philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
8. Letsev, V.M. (2003) Lichnost' kak sredotochiye mirovozzrencheskikh iskaniy V.V. Zen'kovskogo [Personality as the focus of worldview searches by V.V. Zenkovsky]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 140–146.
9. Polovinkin, S.M. (2006) Iyerarkhicheskiy personalizm N.O. Losskogo [Hierarchical personalism by N.O. Lossky]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. I : Bogosloviye. Filosofiya – St. Tikhon's University Review*. 15. pp. 99–129.
10. Lobkovits, N. (1998) Chto takoye “lichnost'”? [What is a “personality”?]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 54–64.
11. Tulchinskiy, G.L. (2000) Postmodernizm, personologiya i perspektivy novoy gumanitarnoy paradigmy [Postmodernism, Personality and Perspectives of a New Humanitarian Paradigm]. In: *Filosofiya XX veka: shkoly i kontseptsii* [Philosophy of the Twentieth Century: Schools and Concepts]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 217–219.
12. Shokhin, V.K. (2002) “Proyekt” personologicheskoy antropologii i filosofiya tsennostey [“Project” of personological anthropology and the philosophy of values]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 112–118.
13. Vdovina, I.S. (1982) Tvorchestvo i “lichnostnyye kommunikatsii” vo frantsuzskom personalizme [Creativity and “personal communications” in the French personalism]. In: Tavrizyan, G.M. (ed.) *Filosofiya. Kul'tura* [Philosophy. Religion. Culture]. Moscow: Nauka. pp. 252–278.
14. Mounier, E. (2003) *Manifeste au service du personnalisme* [Manifesto at the service of personalism]. [Online] Available from: http://classiques.uqac.ca/classiques/Mounier_Emanuel/manifeste_service_pers/mounier_manifeste_pers.pdf.
15. Kierkegaard, S. (1993) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Translated from Danish by S. Isayev, N. Isayeva. Moscow: Respublika. pp. 249–350.